

«...Не озадачивать читателя причудливостью»: «Король Лир» Шекспира в переводе А. В. Дружинина

Е. А. ПЕРВУШИНА

(ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Анализируя перевод трагедии Шекспира «Король Лир», выполненный А. В. Дружининым, автор уточняет и дополняет представление о влиятельной значимости этого труда в истории русских переводов трагедии.

Ключевые слова: У. Шекспир, «Король Лир», шекспировские переводы, А. В. Дружинин.

В 1818 г. замечательный поэт-романтик Джон Китс написал сонет «Перед тем как перечитать “Короля Лира”». Лирический герой стихотворения, в эстетический мир которого врывается грозная музыка трагедии Шекспира, музыка «Боренья Рока с Перстью вдохновенной» (перевод Г. М. Кружкова оригинального “*the fierce dispute / Betwixt damnation and impassioned clay*”), предчувствует, что душа его безнадежно сгорит в накале шекспировских страстей. Поэтому он просит небеса о возможности возродиться подобно Фениксу и взлететь к новым высотам. Думается, с героем Китса в известной мере можно сравнивать нашу переводящую литературу, перед которой стояла задача невероятной сложности: адекватно воспринять уникальную «трагедию трагедий» Шекспира и достойно воссоздать ее на ниве своей словесности. Ведь в диалоге с шедевром надо не только не потеряться, а напротив, открыв новые горизонты его бытования в перспективе «большого времени» литературы, обрести в этом контакте обновляющие силы собственного национального возрождения.

Известно, что долгая и напряженная история русских переводов «Лира» началась в XVIII в. даже не с переводов, а с переделок французских адаптаций, целью которых было облагородить не знающего правил варвара. Но в XIX в. появились уже собственно переводы как отдельных фрагментов трагедии (Н. М. Карамзина, М. П. Вронченко), так и полного ее текста (В. А. Якимова, В. А. Каратыгина, С. А. Юрьева, Н. Х. Кетчера, А. Е. Студитского, В. М. Лазаревского и др.). Однако главным событием в жизни русского «Лира» в XIX в. стал перевод, выполненный в 1856 г. известным деятелем отечественной словесно-

сти Александром Васильевичем Дружининым (1824–1864).

В ярком свете приближающегося в 2014 г. 450-летия Шекспира скромный дружининский юбилей — 190 лет со дня рождения и 150 лет со дня смерти, конечно, совершенно теряется. Это понятно, печально другое: теряется в нашей культурной памяти само имя Дружинина, за которым с советских времен тянется иногда шлейф обвинений типа «противник революционной демократии», «ограниченное понимание сущности искусства», «пагубное влияние идей “чистого искусства”», «консерватизм социального мировоззрения» и т. п. Забывается и дружининский перевод «Лира», тем более что сейчас он видится с высот последовавших переводческих открытий М. А. Кузмина, Т. А. Щепкиной-Куперник, Б. Л. Пастернака, О. П. Сороки и Г. М. Кружкова.

Однако ретроспективный подход в переводоведческом анализе художественного текста часто бывает неоправданным, и не только потому, что в этой области далеко не всегда работают законы прогрессивно поступательного движения. Русский «Лир» от Дружинина до Пастернака как раз шел дорогами явного совершенствования. Нельзя забывать о побудительном воздействии состоявшегося перевода на переводы новые, рождающиеся в неизбежном творческом диалоге (или полемике) с предшественником. Изучение креативных механизмов такого влияния требует другого — перспективного — взгляда. Нельзя, наконец, предать забвению перевод, оставивший далеко позади все, что было создано до него; перевод, благодаря которому великая шекспировская трагедия утвердилась на русской сцене и в русской литературе.

Замечательна сама история «вхождения» Дружинина в Шекспира. Известно, что поначалу Дружинину совершенно не нравился этот «вдохновеннейший поэт вселенной»; писатель вынужден был признаться, что его поэтическое чувство «не ладит с поэзией Шекспира». Неудивительно: воспитанный на образцах реализма XIX в., «с его социальным осмыслением действительности, рационалистической разработкой психологических мотивировок и детальным изображением прозаической внешней среды» (Левин, 1965: 429), Дружинин не воспринимал «неестественно цветистого» слога Шекспира, его «громогласных» и «напыщенных» метафор (Дружинин, 1865b: 347).

Но нимало изумившись своему неприятию «необъятно великого» «живописца идеальных характеров», Дружинин пришел к выводу о необходимости работать над собой и, в отличие от А. Н. Толстого, буквально взрастил в себе восхищение Шекспиром. Это объясняли пресловутым консерватизмом писателя: благоговейно относившийся к традициям, Дружинин якобы не осмелился посягнуть на всеобщего кумира (Левин, 1965: 430). С этой оценкой сопоставимо и мнение М. А. Кузмина, который, говоря о необходимости обновления переводов «Короля Лира», заклеил работы предшественников выразительной метафорой — «паралич, как следствие пietetа» (Кузмин, 1936: VIII).

Трудно не согласиться с подобными заявлениями, зная переводческие принципы Дружинина. Признавшись в том, с каким трудом он сам вникал в шекспировские тексты, писатель решил, что слова Шекспира в его переводе должны быть «доступны всем русским читателям без различия пола, возраста и развития» (Дружинин, 1865a: 4), а перевод не должен утомлять даже «самого неразвитого читателя» (там же). Переводчику, убеждал Дружинин, следует подчиниться не Шекспиру, постоянно употреблявшему «метафоры и обороты, несовместные с духом русского языка», а «духу и потребностям простого русского читателя», «воспитанного на простой русской речи» (там же). Безусловно, в огромной мере сказалась характерная «генерализа-

ция того своеобразного языкового аскетизма и рационализма, который установился в русской литературе 60-х годов» (Левин, 1965: 478). В результате Дружинин, искренне убежденный в том, что для самого Шекспира его эвфуизмы были всего лишь вынужденной данью моде, заметно упрощал и сокращал оригинальный текст.

Приведем лишь некоторые примеры из «Короля Лира», сопоставив для наглядности переводы Дружинина с другими, более точными переводами. Разгневанный неожиданным для него ответом Корделии, Лир останавливает пытающегося вмешаться в ситуацию Кента словами «*Come not between the dragon and his wrath...*» (I, 1) (здесь и далее даются ссылки на сцены из издания: Шекспир, 2001). Дружинин переводит это просто «*Не подходи к разгневанному змею...*» (сравним, у Б. Л. Пастернака: «*Не суйся меж драконом / И яростью его...*»). В этой же сцене Кент уговаривает Лира: «*See better, Lear; and let me still remain / The true blank of thine eye*». В переводе Дружинина: «*Протри глаза, взгляни ты ясным взглядом / Вокруг себя*» (иначе перевел М. А. Кузмин: «*Взглядишь получше, Лир, и мне позволь / Мишенью быть для глаз*»). Потрясенный коварством старших дочерей, Лир говорит у Шекспира: «*Old fond eyes, / Beweep this cause again, I'll pluck ye out, / And cast you, with the waters that you lose, / To temper clay*» (I, 4). Дружинин сокращает и упрощает: «*Вы, глупые глаза, не смейте плакать; / Я вырву вас, я брошу вас на землю*» (у Кузмина: «*Глаза дурацкие, что плачете, вас вырву / И выброшу так, чтоб от вашей влаги / Размокла глина*»). Шекспировская Гонерилья увещевает отца: «*I would you would make use of that good wisdom, / Whereof I know you are fraught; and put away / These dispositions, that of late transform you / From what you rightly are*» (I, 4). Дружинин сокращает и отказывается от стиховой формы: «*Пора бы вам, сэр, посоветовавшись со здравым рассудком, оставить ваши причуды*» (сравним, у Т. А. Щепкиной-Куперник: «*Пора бы вспомнить вам ваш здравый смысл — / Он есть у вас, я знаю — и отбросить / Причуды, что вас делают не тем, / Чем быть должны бы вы*»).

Конечно, усложненный поэтический язык Шекспира не был простым украшательством. Это неповторимое средство его художественного «говорения», сущностный принцип поэтики, дававший автору возможность «представить мир в неожиданных эмоционально-поэтических ракурсах» (Ю. Д. Левин). Но именно эта стилевая манера Шекспира, долго воспринимавшаяся в России чужеродной, стала едва ли не самой большой проблемой для его переводчиков. У первопроходцев могло быть два способа ее решения, намечаемых теми переводческими стратегиями, которые называл Гете. Первый: если переводчик хотел, чтобы читатели отправились к чужеземному автору и вжились в его среду, необходимо буквалистское воспроизведение необычных словесных оборотов. Но если переводчик, напротив, желал сделать чужеземного автора своим соотечественником, надо было либо заменять его странные выражения другими, более привычными для уха читателя, либо вообще убирать их из переводного текста.

Предшественники А. В. Дружинина — М. П. Вронченко, В. А. Якимов и другие — пошли первым путем, оказавшимся совершенно неудачным. И если буквализм Вронченко, обладавшего несомненными художественными достоинствами, скорее был тенденцией, буквализм Якимова, который, по мнению В. Г. Белинского, только опозорил Лира в России, стал поистине разрушительным принципом для поэтической системы Шекспира. Время объективно потребовало другую переводческую стратегию. Именно ее и осуществил Дружинин. Конечно, предпринятая им практика купирования и упрощения шекспировского текста обернулась неизбежным его обеднением, но так же неизбежно она стимулировала дерзновенную творческую отвагу сторонников вольного перевода, осуществивших настоящий прорыв к новым воплощениям русского «Лира» в XX столетии. Показательно, что, один из самых заметных современных переводчиков трагедии — О. П. Сорока (1927–2001), ошеломивший читателей и театральных зрителей смелыми авторскими окказионализмами («плюгавка», «сластожорство», «флюгерить», «докрамсывать» и т. п.), излагая свою

позицию относительно возможности воссоздания шекспировской образной лексики средствами русского языка, полемизировал не с ближайшими предшественниками, а именно с Дружининым (см.: Шекспир, 2001).

Конечно, это воздействие состоялось благодаря несомненному таланту Дружинина. Думается, не случайно Л. Н. Толстой в своем знаменитом ниспровержении «Короля Лира» цитировал не Дружинина, а слабый перевод С. А. Юрьева. Читая дружининский текст, даже сейчас невозможно не оценить его художественного обаяния, не почувствовать искренней, взволнованной увлеченности по-настоящему одаренного автора, его неподдельной влюбленности в переводимый текст. Выразительно экспрессивен и лексически красноречив, например, знаменитый первый монолог Эдмунда. Переводчик сразу дал возможность почувствовать характер человека, взбешенного необходимостью терпеть презрительное отношение к незаконным детям: *«Из-за чего / Томиться мне в цепях причуд житейских, / И покоряться приговору света, / И жить в ничтожестве за то, что я / Родился в свет немного позже брата? / Я незаконный сын — пусть будет так. / Я тварь презренная! За что ж я тварь? / ...Чего ж клеймят нас подлыми? Чем подл, / Кто страстной вороватостью природы / Рожден на свет с запасом больших сил / И большими способностями, чем / Рожденные на скучном мятном ложе / Привиемся ораве дураков, / Зачатых спяна между сном и бденьем»* (1, 2). Эдмунд обращался к природе, которая в его понимании враждебна общепринятым этическим нормам. Однако Лир, потрясенный жестокосердием Гонерильи, тоже взывал к природе, уверенный, что она покарает неблагодарную дочь, поскольку устроена в гармоническом соответствии нравственным законам. В отличие от всех других переводчиков, Дружинин счел нужным подчеркнуть это собственным эпитетом, добавленным к оригинальному «*dear goddess*» в монологе Лира: *«Услышь меня, природа! / Благое божество, услышь меня! / Коли назначило ты этой твари / Рожать детей — решенье отмени! / О, иссуши всю внутренность у ней / Пошли бесплодие, чтоб никогда*

/ Она ребенком милым не гордилась. / Но ежели зачнет она, то пусть / Дитя из желчи дастся ей на долю; / Пусть вырастет дитя на муку ей; / Пускай оно ей ранние морщины / В чело вклеят и горьких слез струями / Избободит ей щеки... » (I, 4).

Отметим кстати, что Дружинин отнюдь не формально относился к упрощению шекспировских метафор, по-своему стараясь все-таки передать оригинальный образный рисунок. Так, комментируя свой вариант слов Лира — «*Не подходи к разгневанному змею...*», Дружинин не только объяснил, что ему важно было соответствовать русским традициям, но дал и другую версию, предоставив читателю возможность выбора — «*Не смей соваться между змеем / и яростью его!*»

Рассуждая о влиятельной значимости дружининского перевода «Лира», нельзя не сказать и о том, что он обозначил новые для России акценты в прочтении идейного смысла трагедии и в трактовке образа главного героя. Переводчик отказался видеть в Лире «ослепляющее высокомерие», которое «побудило его сделать шаг, который... разбил его существование... его мир с совестью». Дружинин, напротив, был убежден, что в финале трагедии, смысл которой «высоко христианский», Лир приходит к просветлению, преисполненный «возвышенным пониманием святости человеческого страдания, законности самых тяжких житейских испытаний» (Дружинин, 1865а: 16). Несмотря на то что в советское время к этому толкованию отнеслись критически, сейчас совершенно очевидно, что позиция Дружинина перекликается с лучшими идеями последующей отечественной культурной рецепции «Лира». Так, в 1930-е годы. С. М. Михозлс в легендарном спектакле ГОСЕТ воплотил свое представление об экклезиастической окраске философской концепции Лира. Творческие уроки Михозлса были осмыслены и развиты Г. М. Козинцевым в книге «Наш современник Вильям Шекспир», предвадившей его прославленные шекспировские экранизации. В переводе Б. А. Пастернака (1949), ставшем откровением для читающей России, король Лир пребывал в пространстве духовного бытования человека, пришедшего в финале

к просветлению и нравственному возвышению. Выдающийся отечественный литературовед и мыслитель Л. Е. Пинский в своей монографии, явившейся поворотной вехой в истории отечественного шекспироведения, также говорил о христианском содержании пьесы, главный герой которой проходит через трагическое испытание «дыбой жизни», соотносимое с «экспериментом распятия», и постигает великий смысл возвышающего страдания (Пинский, 1971: 351–352).

Желая не озадачивать современников шекспировской причудливостью, Дружинин искренне верил в то, что в будущем ситуация изменится: «русский язык обогатится, установится и приобретет бóльшую гибкость... изучение Шекспира у нас подвинется, и трагедии великого человека будут делаться знакомее и знакомее русским людям» (Дружинин, 1865а: 179). Это время настало. Хочется, чтобы оно хранило благодарную память о его былых соиздателях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дружинин, А. В. (1865а) Собр. соч. : в 8 т. СПб. Т. 3.
 Дружинин, А. В. (1865b) Собр. соч. : в 8 т. СПб. Т. 6.
 Кузмин, М. (1936) От переводчика // Шекспир В. Трагедия о короле Лире. М. ; Л. : Academia. С. I–IX.
 Левин, Ю. Д. (1965) Шестидесятые годы // Шекспир и русская культура. Л. : Наука. С. 407–543.
 Пинский, Л. Е. (1971) Шекспир. Основные начала драматургии. М. : Худож. литература.
 Шекспир, У. (2001) Комедии и трагедии / пер. с англ. О. Сороки ; послесл. О. Сороки. М. : Аграф.

Дата поступления: 15.08.2013 г.

«...DO NOT BEWILDER YOUR READER WITH QUAINNESS»: ALEXANDER V. DRUZHININ'S TRANSLATION OF SHAKESPEARE'S «KING LEAR»

*E. A. Pervushina
 (Far Eastern Federal University)*

Analyzing the translation of Shakespeare's «King Lear» by Alexander V. Druzhinin, the author refines and complements the understanding of this work's influential significance in the history of Russian translations of the tragedy.

Keywords: W. Shakespeare, «King Lear», translations of Shakespeare, Alexander V. Druzhinin.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Druzhinin, A. V. (1865a) *Sobr. soch. : v 8 t. SPb. T. 3.*

Druzhinin, A. V. (1865b) *Sobr. soch. : v 8 t. SPb. T. 6.*

Kuzmin, M. (1936) *Ot perevodchika // Shekspir V. Tragediia o korole Lire. M. ; L. : Academia. S. I–IX.*

Levin, Iu. D. (1965) *Shestidesiatye gody // Shekspir i russkaia kul'tura. L. : Nauka. S. 407–543.*

Pinskii, L. E. (1971) *Shekspir. Osnovnye nachala dramaturgii. M. : Khudozh. literatura.*

Shekspir, U. (2001) *Komedii i tragedii / per. s angl. O. Soroki ; poslesl. O. Soroki. M. : Agraf.*